

Автор посвящает этот роман
памяти Ильяса Эфендиева

Рисунки Марины Медведевой

* * *

Те волны радости и счастья, растаяв, исчезли.

И в ночной темноте, окутавшей видимое измерение, сидя в пеньюаре с расстегнутым воротом за столиком, при свете свечи Натали де Лафонжен взволнованно писала письмо и, так же взволнованно дыша, нанизывала на бумаге строки, а ее белеющие при свете свечи полные груди, казалось, не умещались в ночную рубашку, были готовы выскользнуть наружу...

Он снова перечитал написанное прекрасным почерком Натали де Лафонжен то самое письмо: «...Я люблю Вас, князь. Я не могу совладать со своими чувствами, они сильнее моей воли, я не в силах обуздать их. Закрывая глаза, я вижу только и только, князь, Ваш пламенный взгляд. Не знаю, быть может, Господь испытывает меня, не знаю... Пусть! Пусть будет — что будет! Я знаю, даже убеждена, что это испытание может иметь страшные последствия, моя любовь ведет меня к греху, но, князь, это меня не пугает, подобная смелость охватывает страшным изумлением все мое существо. Только благодаря Вам, князь, моей любви к Вам, я в силах вынести это неодолимое потрясение. Все эти бессонные, мучительные ночи я думаю, осмелюсь ли довести до Вас эти чувства. Нет, рассуждаю я, моя гордость, мое достоинство, моя честь не позволят сделать это. Но любовь настолько правит мной, что у меня не хватает сил, нет, не обуздать, а, напротив, не открыться Вам. И думаю: неужели любовь столь предосудительна, что я вынужде-

В том видимом измерении маленькая Наташа крикнула: «Папá приехал!.. Папá приехал!..»

Никогда он не видел в детстве Наташу — маркизу Наталью Аркадьевну де Лафонжен, но это была Натали, пяти лет от роду, она гуляла в том прекрасном саду меж кустов раскрывшихся алых роз, и, с счастливой радостью крича: «Папá приехал!», бросилась к отцу...

...Граф Аркадий Ефимович Разумовский, прижимая к груди дочь, приговаривал: «Моя Наташка!.. Знаешь, как я по тебе соскучился!..»

* * *

Военный атташе посольства Франции в России молодой маркиз Жерар де Лафонжен надевал на палец невесты кольцо.

Невестой была девятнадцатилетняя Натали.

Затем они, Жерар де Лафонжен и теперь уже Натали де Лафонжен, коснулись друг друга губами.

Волны радости, счастья, рожденные этим поцелуем, разлились вокруг в том видимом измерении, но приглашенные на церемонию бракосочетания Жерара и Натали де Лафонжен гости не почувствовали разлившихся вокруг волн радости и счастья.

Он же ясно видел эти волны радости и счастья, только он слышал идущие от сердца слова, что горячо шептала на ухо Жерара де Лафонжена Натали: «Мой любимый!.. Нас может разлучить лишь смерть!..»

на переживать столько страданий? Скрывать свою любовь от человека, которого люблю? Князь, я люблю Вас, я могу скрывать эту страсть от всех окружающих, но только не от Вас. Если Господь дозволил, чтобы эта любовь проникла в мою душу, отчего же я должна скрываться от Вас? И я со всей страстью, что выплескивается из моей души, говорю: я люблю Вас, князь!..»

Натали подписала письмо не «маркиза де Лафонжен», а просто «Натали...»

* * *

...Натали — маркиза де Лафонжен — в прозрачном пеньюаре, сквозь который просвечивали ее белые плечи, груди, целуя волосатую грудь обнаженного князя Цицианова, повторяла: «Мой дорогой!.. Мой любимый!.. Моя жизнь!..»

И пока она говорила эти слова, целуя ЕГО волосатую грудь, в том, видимом измерении разливались волны радости и счастья, страстные влюбленные были внутри радости и счастья того видимого измерения, которое они считали реальностью.

Натали де Лафонжен стонала от страсти, и в эти мгновения, вдохновленный стоном маркизы, желая слышать еще более страстные стенания этой прекрасной женщины, князь Цицианов упоенно целовал ее белые, влажные от жара груди, шею...

* * *

...Четырех-пятiletний Мишель, крича: «Папá приехал!.. Папá приехал!..», бросился с площадки перед особняком к Жерару де Лафонжену.

Маркиз, с любовью и гордостью в душе приговаривая: «Мой любимый сыночек!..» — приподнял, прижал Мишеля к груди. И ОН почувствовал, что ЕГО бесплотной, невесомой субстанции вновь легко коснулась чуждая, никак не согласующаяся с ЕГО бесплотностью и невесомостью легкая забота: отчего столько лицемерия, предательства и фальши проникло в это, видимое измерение?

Отчего лицемерие, предательство и фальшь облачены в одеяния истины, отчего они столь легко подменяют реальность?

...Затем та самая забота, легко коснувшаяся ЕГО бесплотной, невесомой субстанции, так же легко растаяла с НИМ, исчезла...

* * *

...ЕГО пробудившаяся память не знала никаких границ, и эпизоды сменяли друг друга.

...Казалось, ЕГО пробудившаяся память решила мстить кому-то, отчего-то, за что-то...

...Прошедшее время сделало Натали де Лафонжен еще желаннее, ее оголенное тело, казалось, вобрало в себя всю страсть, жизнерадостность и привлекательность того видимого измерения...

И обнаженная Натали де Лафонжен, страстно целуя гладкую, без единого волоска грудь лежащего на просторном ложе Николая, говорила: «Я никогда, никого так не любила, как тебя, Коля, мой любимый, мой дорогой!.. Всю свою жизнь я ждала только тебя!.. Откуда ты явился? Я знаю, тебя прислали ко мне мои девичьи грезы!..»

В том видимом измерении, в состоянии полного равнодушия и отстраненности, он глядел на еще не раненого, здорового — Николая Ивановича Тимофеева-Богоявленского.

А Натали де Лафонжен, с той же страстью целуя Николая, шептала: «Я боюсь, Коля, мой дорогой, моя жизнь!.. Ты отправляешься на войну с Бонапартом, скажут, он исчадие ада... Дитя не Создателя, а Дьявола... Я боюсь, Коля, очень боюсь... Я день и ночь буду молиться за тебя... Всевышний услышит меня... Но я боюсь... Очень боюсь...»

* * *

Престарелый граф Аркадий Евдокимович Разумовский, помахивая трясущейся от волнения рукой, провожал выезжающую из ворот его поместья карету, она увозила в далекую Францию маркизу Натали де Лафонжен вместе с сыном и мужем.

Шестнадцатилетний Мишель, глядя назад из приоткрытой дверцы кареты, кричал:

— До встречи, бабушка!.. Пока!..

Старый граф все так же махал дрожащей рукой, шепча: «Прощайте!.. Прощайте!..»

Санкт-Петербург,
Его Превосходительству
Графу Н. И. Тимофееву-Богоявленскому

Николай, мой дорогой друг детства и юности!
Как хорошо, что ты есть!

Как славно, что я могу поделиться мыслями с тобой — моим единственным на свете другом.

Это первое письмо, что я пишу тебе в завершающийся четвертый месяц 1804 года, но события этих че-

тырех месяцев в Закавказье не вместить даже в четыре года.

Сейчас ночь. Весь Тифлис спит. Не рвутся снаряды, не свистят пули, не слышны даже стоны раненых. Слышен лишь плеск текущей вблизи Куры. А из моего окна виднеются лишь одинокие фонари тифлиских улиц.

Кажется, я стал ударяться в лирику, но, дорогой друг, это не результат жажды спокойствия, что скопилось во мне, — того спокойствия, которого нам никогда не обрести.

Сегодня один из редких дней моей жизни, когда я дышу счастьем. Спеша разделить эту огромную радость, я, конечно же, отправил Его Величеству императору поздравительное письмо, второе письмо пишу тебе, поздравляю и тебя, потому что хорошо знаю: ты всегда живешь интересами нашей родины — Великой России, и так будет всегда.

Сегодня, наконец-то, двуличный и продажный царь Имеретии Соломон II был вынужден принять российское подданство, в торжественной форме дал клятву и подписал договор, что считает себя и всех своих потомков вечными и верными слугами Российской империи. Желание же у него было одно: чтобы в рамках автономии за ним, его сыном — принцем Константином, а также их наследниками сохранился царский статус и я дал на это согласие. Конечно же, ты понимаешь, что это временная договоренность, через год-другой следует вышвырнуть Соломона и всех этих принцев из Имеретии, и я сделаю это. Гурийский князь — Вахтанг Гуриэли тоже принял российское подданство, и, таким образом, дорогой Николай, мы добились, что вся Грузия — от Кахетии до Менгрии, а также соседние азербайджанские султанаты — Казах, Борчалы, Шамшеддин и Пембек вошли в состав России!

Ты знаешь, я ненавижу ложную скромность, так что без лишней патетики заявляю, что это никакая не моя, а историческая победа Великой Российской державы, Его Величества императора Александра!

Как и всякая победа, досталась она нам не просто. Бесчисленные грузинские принцы, князья, дадиани — менгрельские правители — все породнены друг с другом, невозможно определить, кто кому кум или кузен, кто на чьей дочери женат, кто за кого выдал дочь, кто кому бабушка или дед, но всех их объединяет одна особенность: все они враги друг другу, кто-то строит интриги по отношению к другому, кто-то держит в заложниках чьего-то сына, тайно или явно они ведут войны друг с другом, и представь, Николай, им даже не претит в этой борьбе действовать рука об руку с Османами или Каджарами.

Стамбул считает земли Северного Кавказа и все находившиеся прежде под протекторатом Крымского

ханства, а также Южный Кавказ своими. Турки до сих пор не могут примириться с потерей Крыма. При любой возможности стараются поднять против нас черкесов, чеченцев, лезгин, аварцев, осетин, кабардинцев, кумыков, балкар — это народы Северного Кавказа — всех не упоминишь. Эти народы отличаются друг от друга по языку, но их сыновья уже с четырнадцати-пятнадцати лет носят на поясе кинжалы, и эти кинжалы, поверь мне, Николай, не предметы бутафории, не декорации.

Бесконечные войны между Имеретией и Менгрии никак не кончались, теперь, когда они превратились в наши провинции, войнам, конечно же, будет положен конец, и люди заживут спокойно. Вражда между имеретинскими царями и дадианами, правителями Менгрии, останется в истории, но я вспоминаю манифест Ее Величества Екатерины — да будет пухом ей земля — помнишь, Коля, желая стереть из истории России восстание негодяя Емельки, она переименовала Яицкий городок и реку Яик. Сегодня, если спросить у нашего двадцатипятилетнего молодого человека, как прежде звалась река Урал, он удивится, разве река Урал не была всегда Уралом? И мы тоже должны стереть из их памяти историю грузинских царств и азербайджанских ханств. Пусть в Закавказье, да и на всем Кавказе, люди живут спокойно, но и к этому вопросу мы должны отнестись внимательно и осторожно, ибо их добрососедское проживание означает будущее единение, что тоже нам не на пользу. В соответствии с интересами нашей державы, при необходимых случаях, мы должны уметь использовать их взаимную рознь и вражду, и теперь, достаточно хорошо зная Кавказ, считаю, что это важный для нас момент.

Мы дали слово до времени сохранить полномочия внутреннего управления кавказским царькам, ханам, князьям, султанам, но все это на бумаге. Когда придет время, думаю, в самое ближайшее время, будет положен конец этим полномочиям и местечковым титулам. Сознаю, что эти мои суждения далеки от тех ценностей, что мы называем гуманизмом, но здесь, на Южном Кавказе, да и в целом на Кавказе, идея чего-то добиться принципами гуманизма — пустая утопия.

Самая первая большая победа этого года — взятие в ночь с 2 на 3 января Гянджи, и ты, конечно, уже прочел об этом в газетах нашего родного Петербурга. Тот день был одним из счастливейших в моей жизни, и меня самого поражает, что в течение этих четырех месяцев я дважды пережил подобное счастье! Что это означает, неужто Создатель вознамерился превратить меня в счастливого человека?

Ни в какой другой стране не встретишь такого числа поэтов, как в Азербайджане. Спрашиваешь о каком-либо известном беке, помещике, аристократе, просто

образованном человеке, выясняется, что он к тому же и поэт. Их известные в прошлом правители, полководцы одновременно были поэтами. Одним словом, Коленька, перо для них нечто родное и дорогое, но это не мешало азербайджанским ханам быть искусными интриганам, обниматься и целоваться и при этом предавать друг друга. Эти мелкие сатрапы управляют своими ханствами, исходя не из интересов подданных, а из интересов своего трона, личного благосостояния.

Гянджинский Джавад-хан отличался от ханов этого типа. Он был из рода Каджаров и, единственно, старался сохранить свою независимость. Я неоднократно писал ему, предлагал принять российское подданство, сдаться, открыть ворота Гянджинской крепости, причем старался заверить, что ему будет сохранен титул и право на внутреннее управление, но всякий раз он посылал мне оскорбительные ответы. Погляди, что он мне писал: «Видимо, несчастная доля привела вас сюда из Петербурга, здесь вы не избежите смертельного удара судьбы!»

Но судьба сама нанесла ему смертельный удар.

Гянджа была одним из самых важных и авторитетных ханств не только Азербайджана, но и всего Закавказья, и ее усмирение было для нас важно не только стратегически, оно послужило уроком для всех — больших и малых закавказских правителей, они осознали, что с Российской империей шутки плохи, что ложью, хитростью, маневрами ничего не добиться. Такова воля Создателя: все они без всяких предварительных условий должны войти в состав России, и эта воля Создателя вечна и неизменна. А Джавад-хан выступил против воли Всевышнего, и я был вынужден штурмовать Гянджу. Джавад-хан, словно Дон Кихот, взявшись за оружие, стал сражаться против славной русской армии, он сам и его сын погибли в этой битве.

Я устал уговаривать его, в своем последнем обращении, в восточном стиле, даже написал: «Сколько времени орел должен вести переговоры с муравьем?» Но должен признать, Николай, что Джавад-хан доказал, что он не муравей. Верно, чем меньше в этих краях подобных личностей, тем для нас выгодней, но он был достойным противником, и я сожалею о его — вместе с сыном — гибели. Я приказал, чтобы он был с почестью погребен во дворе пятничной мечети мусульман Елизаветполя, и думаю, что это еще раз продемонстрировало благородство и милосердие России и оказало большое впечатление на аборигенов.

Жена Джавад-хана и его десятилетняя дочь попали к нам в руки. К тому же жена оказалась сестрой шекинского Мухаммед Гасан-хана, тот попросил меня освободить их и разрешить ей вместе с дочерью переехать к нему. Я дал согласие, и их отправили в Шеки.

Николай, я бесконечно рад, что один из древнейших городов не только Азербайджана, но и всего Востока, центр древней культуры и науки, ныне носит имя Ее Величества, что сейчас на карте мира нет города под названием Гянджа, есть город Елизаветполь, и это навечно. Кто через сто лет вспомнит название Гянджа? Никто, кроме историков. А Гянджинское ханство ликвидировано навсегда, превратилось в провинцию России — пусть и другие ханы увидят и задумаются, чем кончатся попытки противиться нам.

Но все это в сравнении с нашими прежними мечтами видится такой малостью. Коленька, мой дорогой друг, помнишь, как мы, двое юных подпоручиков — ты и я, — в своих прекрасных грезах шагали по улицам Константинополя, освободив его от османских захватчиков? Мы — то есть русская армия! Предельно жаль, что и после стольких лет мы можем шагать по улицам Константинополя только в мечтах.

Ты знаешь, покойный генералиссимус¹ составил обстоятельный план разгрома Османской империи, и если бы план был претворен в жизнь, одно только это свершение прославило бы Россию на всю последующую историю человечества, так как народы, находящиеся под игом кровожадных и мерзких турок, обрели бы наконец свободу. Ясно, что Османская империя — наш самый опасный соперник на Юге, и Александр Васильевич, да упокоит Бог его душу, во всех подробностях расписал, как следует вести войну с ними, но, к сожалению, наши чинуши не смогли по достоинству оценить этот план, и он не был претворен в жизнь.

Я все чаще размышляю об этом. Используя все возможности, восстановить на карте мира вместо Стамбула название Константинополь, еще больше расширив пределы России, создать Восточно-Римскую империю. Это не мечта и не химера, а совершенно реальное желание: Османы уже не те, что прежде, они значительно ослабли, и у меня нет сомнений, что XIX век — век конца их истории. Я уверен: подобно тому, как каждый человек имеет свою миссию в жизни, именно такая величественная историческая миссия выпала на долю России.

Но мы подчас запаздываем, слово «подчас» я пишу ради утешения. Мы запомнили идеи графа Раstopчина²: раздробить Турцию, присоединить к России Румынию, Болгарию и Молдавию, а Грецию обратить в самостоятельное государство под нашим протекторатом.

Кажется, меня заносит слишком далеко, но сегодня Бонапарт превратил всю Европу в кипящий котел, и

¹ Имеется в виду А. В. Суворов.

² Раstopчин Ф. В. — российский государственный деятель, при императоре Павле министр иностранных дел, впоследствии назначенный Александром генерал-губернатором Москвы. Организатор знаменитых «московских пожаров» в 1812 году.

для России создалась благоприятная ситуация для превращения этих идей в жизнь, просто необходимы воля, смелость и доблесть, подобная воля и смелость присущи Его Величеству императору, а доблести русскому солдату не занимать. Но наши чиновники...

Когда еще выпадет подобная возможность? Не знаю... Лишь бы образовалось... Лишь бы Создатель не лишил нас этого шанса. Я убежден, что Его Величество снова призовет Раstopчина — этого государственного деятеля, любящего Россию и императора. Будущее нашей Родины — в претворении в жизнь его идей. Время идет, и только-только начавшийся век пролетит столь же стремительно, наступит XX век, и я, как всегда, денно и ночью молю Всевышнего, чтобы Россия — от Аляски до Константинополя — была предметом нашей гордости как самая большая, самая культурная, самая мощная страна в мире.

Но ясное дело — молитвы молитвами, но надо делать и дело. Понимают ли наши чиновники, какое значение для нас имеет та же Аляска? Пять лет назад мы присоединили ее к себе. Но что до сих пор мы предприняли

там во имя России? Какие перспективы могут открыться перед нами, если эта территория останется нашей только на бумаге? Думают ли они об этом?

Уроки истории учат нас, что самые неожиданные события происходят, когда их не ждешь. Вот после шаха Надиря в Иране, в Закавказье, воцарился настоящий хаос, но мы не воспользовались этим, и скопец Ага Мухаммед-шах Каджар благодаря уму, таланту и жестокости смог подчинить себе весь Иран и Южный Азербайджан, создал государство Каджаров и произвел себя в шахи.

Маршруты, ведущие через Босфор и Дарданеллы к теплым морям, пролегают по границам Османов и Каджаров, и мы, чтобы с честью одолеть этот путь, должны разжигать огонь вражды между этими явными и скрытыми, но вечными соперниками.

Но предпринимает ли мы что-то? Нет, мой дорогой друг, ничего не делаем. Стамбул, Тегеран, Исфаган кишмя кишат английскими, французскими, прусскими миссионерами. Их страны сегодня увлечены войной друг с другом, но Бог никому не дарует вечность, Бонапарт тоже не вечен, а что произойдет, когда завтра

Европа умиротворится? Наши некоторые, облаченные полномочиями чиновники не видят или не хотят видеть дальше своего носа, у них на это нет ни времени, ни желания, а часть их — в этом я не сомневаюсь, — снюхавшись с нашими врагами, работают против России.

С географической точки зрения Закавказье — уникальное пространство, оно словно распахнутые перед Каджарами и Османами ворота, и, присоединив к России Северный Кавказ, мы не можем оставить на волю Аллаха Кавказ Южный. Его величество это прекрасно понимает, но, к сожалению, того не скажешь о большинстве чиновников, протирающих штаны в Петербурге. Ты поразишься, узнав, с какими бюрократическими препонами я сталкиваюсь, стараясь обеспечить войска провиантом, снаряжением, оружием. Нельзя же по каждому поводу обращаться к Его Величеству, да это и не было бы правильно.

Кажется, с годами я становлюсь ворчлив, оттого это письмо по столь радостному событию оказалось столь длинным, бессвязным и полным жалоб.

Утешает одно, описывая все это, я как бы выплескиваю душу, потому что хорошо знаю: все это ты не сочтешь неинтересным и бессмысленным — судьба отчизны для тебя прежде всего.

Николенька, дорогой друг, всякий раз, когда думаю о тебе, я переживаю душевные страдания, вражеский осколок уложил тебя в постель, одно утешает — осколок турецкого снаряда задел твой позвоночник, но славные воины России разгромили турок, и впереди их ждет еще больший разгром. И еще, я хорошо знаю, что твоя верная и милая супруга — Ольга Михайловна, заслужившая уважение и любовь всех нас, твоих друзей, с самоотверженностью, присущей только нашим, русским женщинам, ухаживает за тобой, и чудо случится — ты обязательно встанешь на ноги.

Мои молитвы всегда с тобой.

Обнимаю тебя, жму руки.

Целую ручки Ольги Михайловны.

Твой Павел Цицианов.

25 апреля 1804 г.

Тифлис

* * *

...Громыхали пушки, пехотинцы стреляли друг в друга, бросались врукопашную, кавалеристы рубились саблями, палашами.

Шла смертельная схватка между наседавшими друг на друга двумя армиями. Одни кричали: «За Родину!», другие: «Вперед!.. Только вперед!»

И там, в том видимом измерении было столько стран и велось столько сражений, чтоб захватить или защитить их, и в это время то самое, видимое изме-

рение словно от начала до конца являлось лишь ареной ожесточенных битв.

Все, что ОН видел в том видимом измерении, невозможно было переключить, во что-то вмешаться, потому что все видимое ИМ было отражением абсолютной обреченности, — ОН наконец понял это, и само подобное желание оказалось чуждым ЕГО бесплотной и невесомой субстанции.

Бесплотность и невесомость ЕГО субстанции в том, видимом измерении стояли лицом к лицу с безусловностью, абсолютностью событий, и по сути ЕГО бесплотная и невесомая субстанция и не имела желания во что-то вмешиваться, что-то изменить в том, что ОН видел.

А желание, охватившее ЕГО субстанцию, было уйти, улететь, но как ни старался, ОН не мог оторваться от событий прошлого, сегодняшнего и будущего того видимого измерения, словно видимое измерение было не в силах отпустить ЕГО...

ЕГО бесплотная и невесомая субстанция желала улететь в какую-то далекую сферу, в какой-то чистой-ший свод, и в ЕГО бесплотной и невесомой субстанции не было никакого сомнения в предельной чистоте того дальнего свода, ЕГО субстанция, состоящая только из чувств, говорила, что подобная сфера, свод имеются, ОН должен улететь и улетит в ту сферу, но уйти, улететь ОН не мог ...

И внезапно ОН увидел майора Лисаневича...

15.

Солнце еще не взошло, но начавший алеть горизонт окрасил кучевые облака, и ночные стражи военного лагеря, позевывая, глядели на эти облака, алые кучевые облака словно окрасили в цвет крови только-только занимающееся зимнее утро.

Аббас Мирза лежал, как всегда, на спине, заложив руки под голову, и весть о наступающем рассвете легкой рябью произвольной волны скользнула по лицу Принца. Может, именно в то мгновение этот молодой человек видел прекраснейший, столь далекий от кроваво-трагических дел этого света сон. Все еще в полусне, улыбнувшись доброй улыбкой, он выпростал руки из-под головы, повернувшись к Дочери Рыжего Чабана, прижался щекой к ее плечу. Протянув, положил руку на ее гладкую, крепкую, как речной камень, но теплую грудь.

Весь шатер устлан коврами Гаджи Мухтара, а ближе к выходу в большой железной печи всю ночь горели поленья, ныне превратившиеся в угли. В шатре не было тепло, но после любовных усадл Принца и Доче-

ри Рыжего Чабана, затянувшихся почти до полуночи и совершенно лишивших их сил, они провалились в глубокий сон; усталость понемногу таяла в новой страсти, они оба, впиная ногами, скинули на пол шерстяную шаль, прижавшись друг к другу, лежали совершенно голые на просторном ложе — тахе, сработанной знаменитым столяром, мастером Мешади Сулейманом из Ардебилля по особому заказу евнуха Абдул Рахмана, человека неопределенного возраста, завезенного неизвестно из каких далеких краев, оскопленного еще во времена Надир-шаха.

Уже почти месяц любвеобильный Аббас Мирза, несмотря на войну за ханства Северного Азербайджана с прибывшими на Кавказ русскими войсками, несмотря на взаимные, нескончаемые столкновения, провокации и стычки, длящиеся подчас все двадцать четыре часа в сутки, проводил свои ночи, забыв прежних наложниц и рабынь, с чувственной и любвеобильной, даже больше, чем он сам, Дочерью Рыжего Чабана.

Уже с четырнадцати-пятнадцати лет ставший любимчиком дворцовых красоток-наложниц, служанок, рабынь, а позже и собственного гарема, Аббас Мирза впервые встретил столь страстную, желанную девушку, и каждую ночь почти до утра не выпускал ее из своих объятий. Служанки перед еженощными встречами Дочери Рыжего Чабана с Наследником готовили различные благовония, но в них не было нужды, тело девушки пахло совершенно незнакомым дворцам запахом степей, и в нем была такая далекая от дьявольских игр этого мира чистота, что всякий раз, вдыхая в себя эти запахи, Аббас Мирза с еще большей страстью и любовью прижимал к своей груди Дочь Рыжего Чабана, целовал ее пухлые эфиопские губы, отвечающие ему той же страстью и любовью.

Как в ту первую ночь, когда Принц лишил ее девственности, она с яростью дикой кошки царапалась и кусалась, пытаясь вырваться из его объятий, так и теперь Дочь Рыжего Чабана, с той же неистовостью дикой кошки прижималась к груди Аббаса Мирзы. Каждый раз, когда Аббас Мирза, лаская ее крепкие груди, сжимал меж пальцев ее еще не потемневшие, оранжево-розовые, тотчас оживающие в ответ соски, Дочь Рыжего Чабана, еще шире раскрыв свои серые глаза, с безумной страстью, которую и не пыталась скрыть, и с бесстыдством, на которое не могли осмелиться наложницы — обитательницы дворцовых гаремов, засовывала руку меж ног Принца, играясь его причинным местом, и при этом так стонала, что этот стон, доносящийся из шатра, отзывался эхом в ночной тишине лагеря.

Сидя в небольшой келье напротив того шатра, уже в который раз перечитывая при свете свечи написанную на азербайджанском языке поэму Мухаммеда Физули

«Лейли и Меджнун», часто отрывая глаза от переписанной стилем «насталиг» — одной из форм арабского письма — Сеидом Мир Багир Шабрани рукописи, евнух Абдул Рахман, не желая, чтобы окружавшая в три ряда шатер стража слышала утробные стоны этой сучки, то громко откашливался, то, выходя из кельи, покрикивал: — Эй, ребята! Ничего тревожного?..

Евнух Абдул Рахман, давно и хорошо усвоивший, что означает осторожность во дворце, совсем не опасался, что его крик разбудит спящих в шатре и тем самым вызовет гнев Принца; опыт многих лет подсказывал: эта сучка — Дочь Рыжего Чабана — за ночь вытворяет такое, что даже грохот русских мортир не мог разбудить Наследника.

По гладкому, будто вылепленному из кофейного цвета воска лицу скопца скользнула улыбка, и в его напоминающих кошачьи зелено-желтых глазах мелькнул мгновенный блеск: ну и дура... очень уверена... надеется, так будет всегда...

Евнух Абдул Рахман пользовался при Фатали-шахе привилегиями почти на уровне визиря. Принц также был доволен этим его особым положением, и влияние скопца на властвующих отца и сына было таково, что прогневить его для окружения было равносильно тому, что накликать на себя гнев правящих особ. Скопец являлся свидетелем, но никак не участником дворцовых интриг и провокаций, и все подмечающие его пронизательные глаза и все усекающие уши ревностно служили в первую очередь Фатали-шаху, во-вторых — Наследнику. И хозяева всегда ценили это усердие.

Поэму «Лейли и Меджнун», которую читал скопец, переписал по личному указанию Ага Мухаммед-шаха Каджара, работая целый год, дворцовый каллиграф Сеид Мир Багир Шабрани. Эта прекрасная рукопись, украшенная миниатюрами известного художника Абдуллы Ширвани, принадлежала Дворцовой библиотеке в Тегеране. Дворцовая библиотека знаменита рукописями не только на турецком, фарси и арабском языках, в ней хранились рукописи на латыни, греческом и китайском языках, а в последнее время, по указанию старшей жены Фатали-шаха — ее величества Агабегим — для Дворцовой библиотеки также стали приобретать книги на английском, французском и русском языках. Абдул Рахман питал особое уважение и любовь к жестокому Ага Мухаммед-шаху Каджару, причина этого уважения и любви, вероятно, была и в схожести звезд их судеб¹. Евнух был одним из немногих придворных, что пользовался правом брать для чтения книги и, что особенно важно, рукописи из Дворцовой библиотеки. И всякий раз, беря изящную рукопись «Лейли и Меджнуна» в

¹ Ага Мухаммед-шах Каджар еще в детстве был оскоплен.

разбитом Аббасом Мирзой военном лагере на равнине Харами, он молил об упокоении не Мухаммеда Физули, не Сеида Мир Багира Шабрани или миниатюриста Абдуллы Ширвани, а Ага Мухаммед-шаха Каджара.

Стоящие на посту сарбазы — солдаты, особенно те, что располагались в ближнем к шатру кольце, несмотря на все ухищрения евнуха Абдул Рахмана, слышали стоны изнемогающей от страсти Дочери Рыжего Чабана. Даже шум, доносящийся со стороны бурно текущей по дну ущелья реки Гиласлы, и дружное кваканье лягушек чуть поодаль от шатра не могли заглушить их, но эти стоны не особо занимали сарбазов, месяцами не знавших женщин, ибо все хорошо усвоили: каждую минуту внезапно могли появиться, воспользовавшись темнотой еще не ушедшей ночи, русские солдаты. Конечно, стража, как и все сарбазы, уже слышала о покушении на жестокого русского Наместника людей Гусейнкули-хана, но с русскими солдатами шутки плохи, наоборот, убийство Наместника может еще больше подстегнуть их гнев. И не только русские, а также наемные убийцы Османов, азербайджанских ханов, грузинской знати, спяняющиеся здесь под разными личинами и предложениями шпионы европейских стран заставляли охрану Принца быть предельно бдительной. На этой стороне Аракса черт ногу сломит, после убийства Ага Мухаммед-шаха Каджара личная охрана Фатали-шаха и Принца проходила особую проверку, она должна была быть начеку день и ночь.

Аббас Мирза был черноглаз, белокож, где-то даже женственен, но когда брался за дела, исчезал даже намек на теплоту или страсть — будто в его нежном теле обитал леденящий холод. И почти змеиный взгляд его глаз заставлял вздрагивать приближенных, даже отпето-го кровопийцу, одного из военачальников, коменданта лагеря по прозвищу Гурд Керим, то есть Волк Керим. Фатали-шах объявил своим наследником не старшего Мамедали, сына от наложницы-грузинки, а второго, Аббаса Мирзу, чьей матерью была дочь хана Девали — его тоже звали Фатали — Асябегим. И причина не только в чистоте происхождения, желании сохранить истинно тюркское начало династии, причиной судьбоносного решения был именно тот леденящий холод в глазах Принца, от которого при случае окружающих бросало в дрожь.

Рассветало, и понемногу затихало кваканье лягушек, доносящееся со стороны реки Гиласлы.

Видимо, Аббас Мирза непроизвольно почувствовал под рукой страсть, заставившую налиться грудь Дочери Рыжего Чабана, и от этого или чего-то увиденного во сне сжал ее грудь, а Дочь Рыжего Чабана, приняв это за прекрасный зов, повернулась лицом к Аббасу Мирзе, застонала, прижавшись грудями, пупком, животом

к его волосатой груди, переплела лямками его ноги. Аббас Мирза ясно почувствовал жар упругого, скользкого, как рыба, стана Дочери Рыжего Чабана, и его молодое и здоровое тело тоже встрепенулось, ожило.

И в этот ранний утренний час, когда огромный красный диск еще не поднялся на небосклон, в шатер внезапно и в сильном волнении вошел евнух Абдул Рахман. Быстрыми шагами подошел к ложу, и хотя ковры заглушали его шаги, Аббас Мирза, все еще не открывая глаз, почувствовал какое-то движение, машинально су-нул руку под подушку, чтобы достать подаренный ему прибывшим из Англии майором Смитом пистолет. Но, открыв глаза, увидел скопца, понял, что ничего опасного нет, но произошло какое-то чрезвычайное событие, получена какая-то срочная весть.

Разумеется, верность — категория относительная, но как бы там ни было, во всяком случае скопец — человек, верный династии, и Аббас Мирза знал, что евнух Абдул Рахман — глаза и уши Фатали-шаха, он приглядывал за Принцем, поэтому часто перебирался на этот берег Аракса, чтобы обслуживать Принца и одновременно, посредством тайных агентов, переправлять шаху необходимые по его мнению сведения. Фатали-шах любил Аббаса Мирзу истинно отцовской любовью, насколько не сомневался, что и сын любит, питает к нему те же чувства. Гордился им, с ним он не тревожился за будущее династии. Но Фатали-шах знал и то, что притягательность, магнетизм власти не ниже самой высокой любви и почитания. Эпохи и династии сменяют друг друга, но остается неизменной главная особенность дворцов — коварство. Склонившись в подобострастном поклоне, всяк божится, клянется, что готов отдать жизнь ради правителя, но Фатали-шах отлично знал, что во дворце, вне зависимости от близости или отдаленности отношений, не сыщешь альтруистов, готовых всерьез отдать жизнь ради монарха, — так было всегда, так будет и в будущем. Аббас Мирза тоже хорошо знал и другое: что не только дворцовые стены Тегерана, но и купола походных шатров имеют уши!

Отстранив от себя Дочь Рыжего Чабана, Принц поднялся, присел на край тахты и, протирая глаза, с явным недовольством и тревогой спросил:

— Что случилось?

Дочь Рыжего Чабана тоже окончательно проснулась, совершенно не стесняясь скопца, даже не пытаясь хотя бы прикрыть срамные места, лежала, обнаженная, на тахте, с явной ненавистью устремив взгляд своих серых глаз на встревоженное лицо евнуха, взорвавшего прекрасную ауру шатра. Лицо и шея Дочери Рыжего Чабана, что провела в горах и в степях всю предыдущую, допринцевскую жизнь, потемнели под солнцем, и этот загар делал совершенно белое, оголенное тело

девушки еще более желанным, — оранжево-розовые соски ее груди торчали под золотистыми, рассыпанными по груди волосами. Зимой и летом, подрастая, проводя дни на склонах гор, в степях и на равнинах, она носила только материнские обноски, теперь же, когда судьба свела ее с Аббасом Мирзой, наслаждалась своей наготой, и в этой наготе считала себя самым свободным и независимым существом на свете.

Евнух Абдул Рахман, прежде чем сообщить Принцу только что полученную важную весть, бросил про себя по адресу Дочери Рыжего Чабана: «Стерва!..», выругался не приличествующим его возрасту и положению площадным матом, затем, наклонившись, что-то прошептал на ухо Наследнику.

Большие, черные глаза Аббаса Мирзы внезапно округлились, пораженный, он воскликнул:

—Что?!

Евнух Абдул Рахман, снова наклонившись, видимо, повторил на ухо Наследнику сказанное. Аббас

Мирза вскочил, накинул на плечи зеленый, шитый из шекинского шелка мастером Шукюром Гарабаги халат. Именно в эти минуты Дочь Рыжего Чабана охватило какое-то неприятное ощущение, неопределенное беспокойство, и оно, это беспокойство, было связано не только с тем, что прошептал на ухо Наследнику ворвавшийся в шатер негодяй, и не с тем, как округлились глаза встревоженного Аббаса Мирзы, но куда больше с ней самой — с ее жизнью, судьбой.

— Уходишь? — скинулась Дочь Рыжего Чабана, и в тревоге, заключенной в этом вопросе, было и другое: мне снова ждать тебя, будут ли у нас еще ночи, принадлежащие только нам двоим?

То, как внезапно в шатер ворвался этот каналья с зелено-желтыми кошачьими глазами и мясистым туловом, не сулило ей ничего хорошего.

Аббас Мирза глянул на лежащую на тахте совершенно обнаженную Дочь Рыжего Чабана, на мгновение

вспомнил день, когда, впервые увидев, обменял ее на пятерку чистокровных рысаков...

...Месяц назад Аббас Мирза, в очередной раз встретившись в Тегеране с Фатали-шахом и обсудив ведение кампании, в сопровождении сторожевого отряда перебрался через Аракс, погоняя своего, с пятном на лбу, гнедого к военному лагерю, как вдруг им преградило дорогу большое стадо овец. Два чабана — один впереди, второй — замыкая, поняв по виду всадников, что это не простые люди, войдя в центр отары, с криками: «О-гей! О-гей!» стали разгонять овец, открывая проход.

И в это время один из чабанов приблизился к гнедому. По тембру голоса и походке Аббас Мирза понял, что перед ним девушка, наклонившись к шее гнедого, золотым концом своего украшенного дорогими камнями кнута он сбил с нее косматую барашковую папаху. Отливающие на солнце золотом ее пшеничного, спелого цвета волосы рассыпались на плечи, она устояла своими большими серыми глазами в глаза Аббаса Мирзы. В ее взгляде не было и намека на растерянность, гнев или ненависть, — был откровенный призыв, вызов, и Принц в тот же миг понял, что эта красивая девушка — сгусток огня.

Подошел и второй чабан, этот рыжебородый мужчина, тоже в мохнатой барашковой папаше, прежде всего взглянул на сверкающую под лучами солнца рукоять кнута, затем округлившись от блеска драгоценных камней и животного, не меньше, страха глазами глянул на всадника.

— Твоя дочь? — спросил Наследник.

— Да, — ответил Рыжий Чабан.

— Отдашь ее мне?

— А кто ты?

— Аббас Мирза. Слышал?

— Как не слышать?! — Чабан, скривив глаза, оценивающе посмотрел на молодого Принца.

Легкая улыбка тронула губы Аббаса Мирзы:

— Отдаешь?

Рыжий Чабан, все также оценивающе глядя снизу вверх на седока, сказал:

— А у меня есть другой выход?

— Нет! — отрезал Аббас Мирза. — Другого выхода у тебя нет!

Рыжий Чабан, сдвинув рукой папаху на глаза, почесывая затылок, спросил:

— А что взамен мне дашь ты?

— Чего хочешь?

Рыжий Чабан сбил рукой папаху обратно на затылок, указал пальцем на гнедого с белым пятном на лбу:

— Пятерку таких рысаков...

...И в тот рассветный час, когда евнух Абдул Рахман внезапно ворвался в этот убранный коврами, шелком и кумачом прекрасный шатер, Дочь Рыжего Чабана с той же тревогой в голосе повторила:

— Уходишь?

Аббас Мирза перевел взгляд с лежащей на тахте совершенно обнаженной Дочери Рыжего Чабана на евнуха. Обостренное за многие годы жизни во дворце чувство подсказало скопцу: то, что он прошептал на ухо Принцу, вырвало его из длежащего уже который день любовного угара с этой бесстыжей сучкой. Наследный принц, похоже, прочитал то, что пронеслось в голове скопца, и он слабо кивнул головой в знак согласия.

Евнух поднял лежащий в углу шатра на табуретке длиннополый тулуп, накинул его на плечи Аббаса Мирзы, и Принц, не сказав ни словечка Дочери Рыжего Чабана, стремительно покинул шатер.

Ненавистный скопец улыбнулся, глянув на Дочь Рыжего Чабана; та наконец непроизвольно прикрыла руками грудь и срамные места.

Евнух Абдул Рахман вслед за Аббасом Мирзой топорливо выбрался из шатра наружу.

Продолжение следует.

